

Артем Материнский. «Только больше не меня».

(Воспроизведение одного постоянного воспоминания)

Действующие лица:

Вера- 19 лет, пациентка психиатрической больницы, предполагаемое состояние - острое депрессивное, переходящее в психотическое.

Кирилл - 34 года, муж Веры, сотрудник кабинета уполномоченного при президенте РФ по правам детей в городе Москве.

Родители Кирилла и Веры.

Мальчик 11 лет, его отец - соседи Веры и Кирилла.

Михаил Валерьевич - руководитель аппарата кабинета уполномоченного при президенте РФ по правам детей в городе Москве.

Врач-психиатр - сотрудник психиатрической больницы, наблюдает за Верой.

Другие действующие лица: санитары, врачи, психотерапевты, пациенты.

Действие происходит в помещениях психиатрических больниц, в квартире Веры и Кирилла.

(Вера проходит лечение в психиатрической лечебнице. Из проведенных диагностических процедур следует, что у неё имеется острая психотическая направленность заболевания. Временная последовательность воспроизведения воспоминания нарушена вследствие специфики заболевания. Описания состояний произносятся ею самостоятельно. В сессиях со специалистами она начинает речь со слова «назад». Вера транслирует повествование через эпизоды, это единственная для неё возможность не превратить себя в сплошной текст.)

Эпизод с первым появлением в больнице. Вере 17 лет.

Назад.

Вера. Пока мне не стало плохо, я совсем была влюблена в будущего человека. Меня стали учить окружающие, долго так и упорно учить быть в порядке, держаться прямо и идти, как бы не отклоняясь. Эта походка(*кривится и мотает головой*), когда вдруг заносит в сторону, не терпима для всех. Половая активность в школе должна быть исключена, так как является нарушением и искусственным фантазированием на уровне плоского существования. Я влюблена в мальчика, он ждал и раньше моих прикосновений. Я испугалась, прикоснувшись к глазам его. Ему стало как будто больно, что ему я нанесла режущее наслаждение. Мои ладони казались тогда листами бумаги. Они режут. Мальчик меня боится, а я его люблю.

Тогда я ладонью провела по своим глазам. Пошла с сочащейся кровью к мальчику, он был с другой девочкой в подъезде. Я сказала: " Аня, уйди, мне очень важно нужно сказать мальчику". Аня ушла, её вывернуло на улице. Мальчик прижался к стене, я его начала целовать, он тихо отдал во власть свои губы. Они стали в моей крови. Я расстегнула ему штаны, развернулась к нему спиной, подняла платье, нагнулась...мальчик толкнул меня на подоконник, сбежал по лестнице. Я спустилась и пошла к дому, волосы слиплись кровью. Зашла домой, прошла в ванную и взяла расчёску с пластмассовой ручкой. Я сделала за него всё, чтобы он не боялся крови. Папа зашёл и вытащил ручку расчёски у меня между ног. Он вытащил меня за волосы из ванны, я видела полоску крови по полу.

Родители Веры в детской психиатрической больнице. Комната для посетителей. Вечер. Вера проходит к ним, медленно и неуверенно садится на табурет. Смотрит мимо них на стену. Они говорят шёпотом.

Мама Веры. Сука ты. Что ты с собой делала?

Папа Веры. Блять, мать с тобой разговаривает, отвечай ей. Что ты с собой делала? Зачем тебе надо было туда сувать расческу? Это вместо хуя? Замена? Я тебя для этого воспитывал, чтобы ты вместо хуя сувала расчёску?

Тебе школу кончать, экзамены сдавать, а ты своё наружу выставила? Женщина, типа. Теперь на таблетках будешь, как психичка?

Мама Веры. Соседи видели. Спрашивают, утверждают, что ты вскрылась. На меня в школе ученики неправильно смотрят. Психичка директор ,и дочь у неё вскрылась. Ёб твою мать. Если бы они знали. Сука, да лучше бы ты вздёрнулась. Я, блять, с тебя теперь не слезу живой. Ты у меня выйдешь замуж за того, кого я скажу. Я растить теперь тебя буду в кандалах. Только выйди отсюда.

Папа Веры. Я выключю глаза твои, если посмотришь у меня, кроме того, куда я скажу. Я тебя сам предварительно зашью перед мужем будущим...А теперь слушай меня внимательно...Всем потом скажешь, что ушла в тоску по мальчику. Он тебя типа бросил. Я уже нашёл козла отпущения. Он уже всем рассказывает, что разбил тебе сердце. Тебя видели на улице, выходящую с подъезда от уёбка, в крови у тебя лицо было. Он даст показания, что шлёпнул тебя башкой о подоконник. Ты плакала и от этого головой поехала. Вены слегка бритвой поцарапала, по молодняку все так делают. Я с врачами уже договорился. Они тебе депрессняк поставят от органического повреждения. Поняла меня?.. А если тебе так понравилось расчёской, то я тебе туда швабру засуну. Или свой хуй. Поняла меня?

Вера. Мама...папа...я всё поняла...пусть так будет. Я готова.

Эпизод с переносом объекта любви на соседа-мальчика. Мальчику для Веры было всегда 11 лет.

Назад.

Лифт сломан. Вера поднимается в квартиру по лестнице. Рядом с ней поднимается сосед по лестничной клетке. Мальчик 11 лет. Его лицо пересечено кровоподтёками. Вера смотрит на него. Он смотрит под ноги. Возле квартиры мальчик останавливается. Вера за ним. Мальчик открывает дверь, проходит в тёмный коридор. Вера закрывает дверь, вглядывается в темноту, мальчик скрывается на кухне.

Вера. Среди, в жёлтое покрашенных, стен, Митя подарил мне цветы, он облокотился в эти стены, краска свежая, он упал как в неё и плескался так с цветами, они из белых, с обрезанными сильно стеблями, покрывались пылью и краской. Я сразу их приняла в руки, и бросилась назад в другую стену. Между нами полоса пола, уходящего в никуда. Митя знает, что меня надо целовать, я рот открыла глубоко.

(Детский крик из комнаты и грубый голос взрослого).

Мальчика трогают сейчас. Большой наклонился над ним, раскрыл над ним объятия, сейчас должен сильно вдавить в пол, в желчь, потому что кроме неё нет в черноте ничего.

(Вера подползает в комнату. В комнате темно, но различимы силуэты мальчика, прижатого к полу, и нависшего отца, которого качает. В комнате пахнет увядшими цветами, мочой, потом. Вера ложится на спину и тихо ползёт к мальчику. Берёт его за руку. Его рука конвульсивно бьётся об пол.)

Мужчина. Из этого мира вынесен на суд поруганный росток, лишивший воды треть планеты. Выдранные, в чёрные платки, головы, оставлены без покаяния. (Бьёт ремнем куда попало. Попадает Вере по лицу.) Рано ещё всем жить, мусор никто не вынес...и ты, сучонок, я тебя, тварь, просил, ползал за тобою...ты опять меня подводишь...смешался с матерью своей, спряталась она опять в ванной, вышла от ребра и сдохла в черноте этой.

Мальчик застыл в немом крике, начинает хрипеть. Мужчина отходит и прячется в угол. Молчит. Вера обнимает мальчика, тот бьётся ногами по полу. По батареям неритмичный стук. Вера целует мальчику лицо, на нём остается её кровь.

Вера. Предательства не случится. Тут никогда не станет больно. Ты слишком становишься живым, вот сейчас ты очень бьёшься и рвёшь этот пол. Как мне тебя не оставить, мне нужно, чтобы ты не смел уйти. Смотри, там много жёлтого наверху, тянет его подбородок ввысь. Там всё что угодно, кроме голубого неба. Всегда рваное жёлтое.(Вера медленно пытается подняться, отворачивается на выход и ползёт по полу. Мальчик оглядывает верх потолка. Его рот ещё открыт. Вера по стене поднимается на ноги, упирается головой в неё. Через несколько минут она стоит перед дверью своей квартиры, смотрит в глазок.

Эпизод разговора с матерью о будущем. Вне больницы.

Назад.

Вера.Мама, мне необходимо замуж выходить?

Мама Веры. Да, Вера...это единственное, что спасёт тебя. Тебе нужно стать нормальным человеком. Все эти вынужденные пребывания в больницах делают тебя сумасшедшей. Мы с папой старались из всех сил, чтобы ты была среди радости, в обществе надёжных людей. Кирилл он из них. Он стоит прямо, его видят другие и любят...

Вера. Мама, я же не отрезанная. Меня рвёт только желчью. Мешает только чёрный цвет вокруг и когда всё вязнет в нём. Жёлтым надо только...чтобы мешался цвет и выходило всё зрячее тогда...

Мама Веры. Ты не смей говорить так. Тебя слышно, как ненормальную, как больную совсем. Не для этого ты рожалась. Тебя не видно такой было на УЗИ...тебя ждали, как успешную, как ведущую везде.

Вера. Мои глаза тебе противны...они и мне противны, я в них смотреть не могу, через них я вижу, что ты накрываешь меня одеялом, как будто хочешь налечь на горло и прекратить меня.

Мама Веры. Вера, я уже устала...я устала, послушай меня, ты, бессердечная тварь, я сопли твои заеблась вытирать, слюни твои, с детства твоего мне, как грязный сон, вечно видятся...отец всё время прятал нас от своих...я же не страшная, я так не могу, в закрытой комнате, а он-посиди с Верочкой в комнате, ей не нужно выходить, она смотрит слишком неправильно на людей, а я сиди с тобой и смотри, как ты смотришь на меня неправильно...я бежать хочу...дай уже мне сил вырваться от тебя. Дай Кириллу...дай ему с тобой жить,воспитать тебя, раз он так просит. Он,как ангел-спаситель...ему ты очень нужна...он христианин такой весь. Он хочет тебе помочь...

Вера. Он, когда приходил, смотрел, как я расчёску туда вставляю...он попросил, если мне больно с ним, то он готов помочь расчёской...мне стало больно с ним, он меня желчью поливал из тарелки, просил глотать её и чтобы она стекала дальше вниз..и ждал,когда она пойдёт из меня...он так смотрел, потом лёг на пол и поставил меня над ним...я смотрела вниз,на его волосы,мне хотелось их выдрать...ведь это же не совсем правильно,мама?

Мама Веры. Я не хочу больше этого слышать...не хочу...выпусти меня...

Вера. Там таблетки на столе. Дай их мне, я буду спать сейчас тогда.

Мама достаёт таблетки, отдаёт их Вере. Вера глотает несколько, отворачивается на кровати, лежит боком. Мама сидит к ней спиной, но голова повернута к Вере. Она смотрит на неё, ждёт. Пальцы сжимают одеяло,белеют...

Мама Веры. Скажи ей,Господи,о нужном порядке, что наводится без скверны, без стремления к грязи. Дай ей , Господи, свободу от болезни, которую она цепляет, разлепляя глаза. Внуши ей, Господи, через окружающих, верность действительному, тому что носится голубем по миру. Её надо исправить, её надо подчинить. Помогите нам, Господи, без таблеток, помогите нам прекратить её сладкое зрение. Избавь её от растений внутри.

Мама поднимается и выходит из комнаты. Через минуту возвращается с бутылкой молока. Ставит на тумбу, выходит, запирает ключом дверь. Она придёт через день.

Вера. Как мне светло. Мне невозможно на свету, моя болезнь не терпит этого проникновения.

Вера подходит к люстре и выкручивает лампочку. Разбивает её и осколками режет руки и ноги. Поднимает майку, зажимает низ шеей, медленно режет живот, опускает майку, ложится на кровать. Через минуту встает, выливает молоко из бутылки на пол, ладонями вытирает с пола и размазывает по себе, по майке, ногам, рукам, волосам. Снова ложится на кровать, уходит в сон.

Эпизод наблюдения в психиатрической больнице. С новыми таблетками.

Назад.

Врач. Вера, скажи, пожалуйста, как ты себя ощущаешь в этой, новой, для тебя обстановке?

Вера. Я знаю, что это всё новое для меня. Но мне не нравится. Я вижу, что здесь находятся больные люди, но Вы должны знать, что я не достигла ещё болезненного состояния. Поэтому, считаю, что мне здесь не место.

Врач. Вера, но родители слишком обеспокоены твоими действиями, которые ты производишь во внешнем обществе.

Вера. Они недовольны поступками, но я же не уверена, что они наносят вред. Вот мне кажется, что я живу естественно, что я есть такая, но не для них.

Врач. Ты не для них? а для кого?

Вера. Для них, но для других них... таких, которые молчат на меня, когда я того прошу.

Врач. Твои родители повышают на тебя голос?

Вера. Они не молчат, когда мне необходимо.

Врач. А когда необходимо?

Вера. Когда я чувствую, что мне надо быть одной, они сразу наполняют мои места другими, совершенно чужими людьми.

Врач. Ты ощущаешь внутри себя лекарства?

Вера. Они меня воруют. Я как будто себя лишаюсь по чуть-чуть. Их много, наверное, для меня. Они закрывают мне глаза, хотя мне это и нужно иногда.

Врач. Ты бы сейчас хотела обратно домой? Вот сейчас прям.

Вера. Может, не надо пока.

Врач. Ты боишься ещё чего-то?

Вера. Дело не в боязни...вы поймите, я сейчас скажу такое...вот я знаю, что вроде меня здесь лечат, но такой я, болезненной себя не считаю...но если меня так просят, то мне надо заболеть, мне надо, чтобы болезнь тогда проникла в меня и поглотила. Сейчас я только чуть-чуть знаю, что она у меня проявляется. Краешек чёрной, такой вязкой...желчи пролился внутрь.

Врач. Вера, побудь минуту, я сейчас.

Врач выходит за дверь, проходит в соседний кабинет. В нём на двух стульях сидят родители Веры. Они сидят прямо, руки сложены на колени. Они смотрят в стекло, за которым они видят Веру, которая сидит спиной к ним, опустив голову.

Врач. Ну, вы можете видеть и слышать, что она говорит...это можно списать на какой-либо стресс, но у неё другое. Её реально колотит, ей нужно долго будет лечиться...здесь я могу предположить активное развитие злокачественного нарциссизма, когда агрессия пропитывает патологическое грандиозное Я. То есть, вы её позиционируете, как личность, способную претворять немислимое, быть на вершине. Но что-то пошло не так и она возвеличивает Я через агрессию, направленную на себя. Можно предположить, что тем самым она индексирует привлечение внимания через перверсивное действие и суицидальную демонстрацию. Но поймите, там открывается возможность для психотического развития через депрессивные эпизоды...

Папа Веры. Доктор, вы обозначаете нашу дочь как сумасшедшую?..её ударил какой-то парень, пытался совокупиться с ней, она его типа любила...обычная история...но делать из неё ваших клиентов не надо. Мы пришли сейчас за помощью, а не за концом биографии нашей девочки.

Врач. Мои слова - для понимания того, что происходит. Я понимаю, что ей не нужен диагноз.

Папа Веры. Мы услышали, мы очень хорошо услышали. Теперь нам нужна стратегия для того, чтобы об этом никто никогда не знал. И чтобы этого не повторялось.

Врач. Будет повторяться.

Папа Веры. И что? Давайте перейдём на более продуктивный уровень. Сейчас она под медикаментозным давлением. Мы хотим, и что важнее всего, она хочет, чтобы оно продолжалось...что для этого необходимо? Как вы поняли, средства для реализации данного проекта совсем не проблема.

Врач. Да...и нам, по сути, она не нужна здесь...Вы можете периодически её приводить, вне записи и учёта...на 10-12 дней...но я хочу предложить вам иную клинику, чтобы ничего не выходило за пределы. Есть интернат, психоневрологический, на окраине города. Туда не ездят особенно с проверками...я договорюсь, там в фармацевтике нет пробелов...там практикуется исполнение именно её желаний. Там будет выделен для неё особый уход.

Папа Веры. Что предполагается?

Врач. Ну, вам лучше её туда только довозить... дальше отворачиваться и уезжать. А по сути, через время нужно будет её прикрепить к мужчине, который будет с ней обращаться в особом порядке...ну вы меня понимаете как...и пусть они проведут зачатие. Ребёнок станет катализатором для выздоровления...Вы же знаете, дети совершают прекрасные чудеса. В её случае должно произойти чудо выздоровления.

Папа Веры. Нужен мужчина, который будет проявлять сострадание...чтобы он создал благоприятные условия для её приспособления к современным реалиям. Человек из активного общества.

Врач. Да...и могу предложить кандидатуры...к нам обращаются разные мужчины...они хотят помочь таким потерянными...детям...они из нужного общества, гарантирую...

Папа Веры. Да...мы согласны на этот шаг...но сейчас отправляйте её в то обозначенное место...я смотрю на неё и мне тяжело совсем становится. Ей нужна усиленная помощь через очищение. Мы уйдём по вашему совету, отвернёмся...пусть ей сейчас будет лучше...

Врач. Проститесь?

Мама и папа Веры встают со стульев и машут в стекло Вере. Опускают руки и выходят из кабинета, выходят из больницы, едут домой.

Эпизод, где Кирилл делает выбор в пользу Веры.

Назад. Кирилл сидит дома. На столе разорванный конверт, в нем компакт-диски. На столе открытые стеклянные коробочки из-под них. Он достает очередной, смотрит на него. На лицевой стороне написано "Нина". Он вставляет его в ноутбук. Смотрит. На экране комната белого цвета. Посередине комнаты девочка семнадцати лет. Лысая. Она сидит на корточках, под ней газета. Она испражняется. Потом отползает в сторону и смотрит на газету. Кирилл выключает запись. Достает следующий диск. Написано "Вера". Вытаскивает диск с Ниной, аккуратно убирает в коробочку. Маркером ставит на ней галочку и восклицательный знак. Он доволен. Ставит диск с Верой, включает запись. Та же комната, заводят Веру, она еле стоит на ногах. Её опускают руки двух санитаров, она падает на пол. Лежит. Через несколько минут начинает шевелиться, переворачивается на спину, начинает отталкиваться от пола, доползает так до стены, задирает рубашку, головой упирается в стену. Её руки начинают ходить ходуном, она не может с ними совладать, раздвигает ноги, пытается засунуть между ними руки...выгинается. Кирилл смотрит, его лицо серьёзно, он чувствует, что присутствует при родах. Вера выгибает спину, ставит врозь ноги, голова её закинута назад, нос упирается в стену, он кровит, рот заходится в крике, руками она выдирает как будто из промежности что-то. Её тело начинает сокращаться, как при фрикциях. Заходит санитар. В его руке расчёска...Он подходит к Вере, она его не замечает. Её руки хватаются за раздвинутые ноги. Санитар нагинается. Через минуту он уходит. Ещё через минуту Вера обессилено падает спиной в пол. В руках у неё расчёска. Она в крови. Кирилл перед монитором замирает. Начинает трудно дышать. Его рука достает салфетку, он вытирает ею между ног. Он хочет плакать.

Эпизод с переходом Веры в знакомство с Кириллом. Надежда и новый фармацевтический ряд.

Назад.

Окраина города. Вдоль улицы череда больниц. Напротив жилой массив. Среди медицинских учреждений находится небольшой ПНИ. Кирилл проходит через проходную. Охранник кем-то предупреждён, опускает голову, чтобы не видеть лица, пропускает без предъявления документов. Приёма родственников в утренние часы нет. Кирилл проходит через двор в блок для женщин. Его встречает специалист в белом халате, улыбается, она рада его приходу. Провожает через служебный вход, через административные кабинеты, приводит в комнату. Она пустая, только две табуретки поставили. Но по правилам помещение должно быть без них. Кирилл садится на одну из них, ему неудобно, он переставляет свою табуретку к стене. Облокачивается на стену. Ему слышен дождь. Кирилл сидит в ожидании, смотрит на свои брюки. Женщина оставляет дверь открытой и уходит. Через минуту в комнату приводят Веру. Она в ночной рубашке, её придерживает санитарка, аккуратно сажает на табуретку. Вера, чтобы не упасть, упирается ногами, руки выставляет вперед, ладони на колени. Получается, что она выворачивает руки, Кирилл видит её вены. На них дорожки от уколов. Вера начинает дышать чаще, она хочет покраснеть.

Вера. Меня попросили посидеть здесь для свидания с Вами. Меня вела сейчас она (показывает головой в сторону уже закрытой двери), и так держала, типа так нежно...я слегка сейчас другая, меня подтрясывает, я не выдержала (наклоняется в сторону Кирилла и шёпотом продолжает) и нычку съела таблетную...ну чтобы меня не закрыло вдруг. Когда подняли с кровати сегодня, повели в душ. После вчерашнего бального вечера я чуть раскочанная осталась, потому и надо было прийти в отменное качество...это та санитарка сказала...а ещё до Вас сейчас психотерапевт со мной рисовала. Это так было наивно. Потому у меня краснота должна сейчас быть от смущения и тьма вопросов...

Кирилл. Здравствуй, Вера. это ты. я уже мечтал о знакомстве с тобой. Для мня очень волнительная встреча эта...

Вера. Только я не по погоде одета...тем более, не будем прикидываться, кабинет для перетянутых, очень расстраивает...Вы уже с моими родителями познакомились?

Кирилл. Да...мы с ними долго говорили о тебе. Я заочно твой образ для себя воссоздал...

Вера. Они меня больной называют. Ой, нет, что это я...не так мне говорили вести себя...

Кирилл. Ты обижена ситуацией, в которой мы сейчас друг друга узнаем, так ведь...но, я уже вижу, что ты немного себя плохо чувствуешь...и что нахождение здесь тебе необходимо, чтобы быть в форме.

Вера. Чтобы пропустить к себе болезнь

Кирилл. Твои глаза напуганы...ты вроде ребёнка, которого выгнали в комнату...и ты стоишь ближе к углу, наказываешь себя...

Вера. Мне не по себе говорить на такие темы. Они сбивают вопросы

Кирилл. Я готов ответить. Постой...расскажу о себе, это снимет многое, я думаю, и удовлетворит твоему любопытству.

Кирилл встает с табуретки, подходит ближе к Вере. Поднимает голову от неё, смотрит перед собой. Руки вдоль тела.

Кирилл. Мне как-то не по себе...здесь странно дышится, мне становится уныло видеть проявление болезненных действий...мне страшно думать, что здесь разбиваются все детские мечтания, что здесь возникает и растёт детский жалобный страх. Я всю жизнь чувствовал ущербность общества в отношении к детским страданиям. Мне всегда было видно, что самые незащищенные божьи создания должны испытывать такие мучения...и я знаю, что моё главное предназначение будет заключаться исключительно в помощи страждущим, в помощи тем, кого недолюбили...наверное так произошло от того, что я часто видел потери, часто плакал из-за несбывшихся мечт...среди людей, приходящих в детскую жизнь, очень часто проявляются разные наклонности, выраженные в отклонениях от норм, когда открываются потребности в реализации садо, зоо, мазо и других филиях и измах. И это действительно страшно...представить плачущего, в мокрой пижамке, к полу прижатого мальчика, а над ним папа, такой большой и с плетью...И такое насилие необходимо устранять...Понимаешь, я принимаю на себя крест, смысл которого заключается в надежде на спасение от греха и исправления через страдания. Но только через терпение...я преклоняю себя перед этим законом...понимаешь меня? я здесь стою сейчас, но меня рвёт от боли всего...наизнанку выворачивает от беспомощности...я на тебя смотрю (смотрит вверх) и хочется тебя прижать ближе, унести тебя далеко...я ведь за минуту понял весь твой страдающий организм и понял, что не могу уже тебя оставить...

Вера. Вы видели недолго меня. Вы меня со спины не смотрели.

Кирилл. Ты стала мне ближе в моём сердце...а оно меня не обманывает...

Эпизод совместного нахождения Веры и Кирилла.

Назад.

Кирилл (перед зеркалом). Уважаемые господа! Защита детей, их здоровья от насильственных действий их родителей - наша основная задача в это непростое время. Мы можем наблюдать, как жестокосердие проникает со стороны зловонного запада в

Вера (монотонно) . В пизду совершенной женщины...

Кирилл. Вера, не стоит так говорить. Я готовлю важную речь...Послушай, это серьёзная проблема, та, которой мы сейчас занимаемся. Порядок, установленный действующим правительством, есть существование идеального общества. Посмотри, мы с тобой создаём реально идентичную модель семьи, которая транслируется с плакатов, рекламы. Где всё работает исключительно во благо, в будущее.

Вера. Где Бог поставил меня рядом с тобой

Кирилл. Именно... именно так, моя радость

Вера. И кончил, прикидываясь тобой.

Кирилл. Ты сейчас не права, ты сноваходишь в эпизод... Господи, дай ей сейчас силы... Вера, иди в комнату... я сейчас приду.

Вера уходит в комнату... Кирилл смотрит в зеркало, вытаскивает из брюк ремень, идёт за Верой. В комнате Вера сидит на кровати, её руки сложены на коленях, голова поднята чуть вверх, подбородок вытянут вперёд. Её глаза закрыты, она жмурится. Свет в комнате выключен. Кирилл сжимает в руке ремень, заносит над головой и наотмашь бьёт Веру по лицу. Ещё раз. Ещё раз. С образовавшейся раны капает кровь. Вера уже в ночной пижаме. Вера, заходя в комнату, вывернула лампочку с люстры, сняла платье, передела пижаму. В ящике лежит ещё пять новых комплектов. Кирилл ладонью пережимает её ремень, вытирает кровь, раздирает больше рану. Кирилл наклоняется, берёт аккуратно за плечи Веру и кладёт спиной на кровать. Поднимает её ноги и поворачивает вдоль кровати. Садится рядом.

Кирилл. Мне выпала честь, я полагаю... следить за тобой. Чтобы ты стала в будущем матерью, чтобы не ушла далеко... мне становится грустно, когда ты остаёшься в этой комнате и одеваешь новый комплект пижамы. Получается, что ужин сегодня будет без тебя, и мне придётся лечь в кровать одному... одному молиться за нашего будущего ребёнка... мне хочется сейчас плакать от этого содержания будущих недели... я приду завтра снова, приду с ремнём, а потом чай без молока, потому что я не умею его делать, как ты. Он ведь такой получается холодноватый сразу, а потом сразу горячий, и после него точно не заболеть. Ведь за окном дождь.

Вера. Принеси молока. Оставь его на столе... Уходи.

Кирилл. Да, я понял... я здесь сейчас лишний... но ты же помнишь, что мы одно целое? (улыбается). Скажи, ты ведь помнишь?

Вера. Помню... я всё помню...

Назад.

(Вера идёт по улице. Она идёт вдоль длинного забора. На улице ливень. Она промокла полностью, платье местами в грязи. Вера идёт спокойно, правой вытянутой рукой опираясь на забор. Она смотрит вниз, на асфальт, сосредоточившись только на том, чтобы идти прямо, как по растянутой нити. Когда дыхание сбивается и лицо искривляет спазм, она падает на колени, руки выставив прямо, чтобы не потерять невидимую нить.

Вокруг никого нет. Прямая линия серого забора и застывшая скорченная фигура, если смотреть сбоку, прямой дождь о параллельную линию асфальта. И фигура, разорванная нить, и при любом дуновении, метущаяся.

Асфальт в лужах и вода вымывает рвоту с него. Платье скомкалось, брызги рвоты и грязи черным становятся. Забор прекращается, уходит вправо, дальше дорожка через двор и пятиподъездный дом. Вера проходит под козырёк. Опирается о дверь. Смотрит вперёд. На качелях мокнет оставленная кем-то кукла. Вера смотрит на неё, потом идёт в сторону качелей, садится на перекладину сбоку и начинает раскачивать.

Вера. Потихе станут и стены пропадут под нами. Вошедшие склоняют сразу головы, под нож их ведут солдаты... (Вера встаёт и уходит к подъезду. Поднимается на лифте на шестой этаж. Оправляет мягое платье. Достает ключи. Перед дверью в квартиру останавливается. Смотрит на глазок. Внутри неё всё цементом наполнилось. Говорить нельзя было от этого. И больно жгло кожу. Она была в женской консультации. Плановый осмотр прошёл в тишине.)

Эпизод оглашения удовлетворительной вести.

Назад.

В квартире Кирилла и Веры званый ужин. Пришли важные для Кирилла гости. Он в дорогом костюме смотрит на присутствующих с радостью и серьёзностью. Он пригласил сюда руководителя кабинета и некоторых важных коллег. Ему необходимо их присутствие.

Кирилл. Уважаемые гости (он почтительно обводит всех взглядом). Мама и папа (он смотрит на две пары, сидящих в углу). Коллеги, уважаемый Михаил Валерьевич. Сегодня для меня совсем непростой день. Я сбивчиво буду говорить. Это, конечно, на меня совсем непохоже. Я ведь всегда стараюсь держаться строже и рационально. Никто из присутствующих не даст соврать. Но сегодня я вне официального предприятия. Сегодня я в кругу самых близких мне людей. Так вот, я хотел бы вам сообщить очень важную новость. Вы все знаете, что моя мечта заключается в том, чтобы у меня была большая семья. Что, кроме важного долга перед людьми, ради которых я ежедневно работаю, ради общего блага, я ждал, чтобы заботиться и о тех, кого мне может подарить Бог. И вот, через мою прекрасную жену, через Веру, он мне посылает первенца, ребёнка, которому я должен буду стать опорой, и который несёт в этот мир свет. Я стану папой, а Вера матерью. Она сдержала своё обещание. Когда мы стояли друг напротив друга в ЗАГСе, играл оркестр вальс, я смотрел ей в глаза и попросил, чтобы она родила мне детей. Она сказала, что сделает так. И вот... вот сейчас чудо произошло, мы ждём малыша.

Вокруг все аплодируют, все кричат поздравления. Кирилл смотрит в сторону начальника. Тот одобритительно кивает.

Мама Веры. А какой уже срок? Мы, родители, даже и не знали. Вы такие скрытные. Нам сюрприз решили сделать?

Кирилл. Да. Вы знаете, срок уже большой. Мы решили молчать, пока не убедимся, что всё в порядке с малышом, что он комфортно развивается. Я Веру попросил поехать в санаторий, чтобы там она находилась под наблюдением специалистов. Вот уже шесть месяцев.

Все вокруг возмущенно. Что же так долго? Почему не сказали раньше?

Родители в один голос. Кирилл, так неправильно, мы могли бы помочь. Мы же родители. Нам первым надо было обо всём сказать.

Кирилл. Я ожидал такой реакции. Но поймите правильно, мы с Верой очень переживаем за малыша. Тем более знали, что вы будете с ней нянчиться, ущемлять её. Мы всё правильно сделали, не надо так реагировать.(смотрит на начальника. Тот одобрительно кивает).

Мама Кирилла. Так и пол теперь известен уже? Кто?

Кирилл. Мальчик. Да, мои хорошие, у нас будет мальчик. Я очень-очень рад этому. Это просто замечательно. Он станет точно выдающимся человеком. Мы все ему поможем.

Мама Веры. А где же Вера, где наша мамочка?

Кирилл.(смотрит на часы).У неё запись была в женскую консультацию. Она должна быть скоро.

Михаил Валерьевич.(смотрит в окно).Там такой дождь сильный. Может, переживает в кафе. А кому-то всё равно. Детей на качелях качают (смотрит на качели. Ему сверху, из-за листвы деревьев не видно, что это Вера качает куклу). Кирилл, проводи меня. Мне нужно сейчас в департамент ехать.

Кирилл провожает в прихожую Михаила Валерьевича. Подаёт ему пальто.

Михаил Валерьевич. Ты молодец. Хорошим будешь отцом. Но необходимо работать и помимо семьи. Сейчас очень важная линия намечается. Нужно будет разрабатывать комплекс проверочной работы. Бюджет иссякает, поэтому придётся людей убирать с должностей. И ты мне должен помочь.

Кирилл. Готов к такому производству.

Михаил Валерьевич. И нельзя нигде светиться отрицательным. Ты под ведомство конструировал биографию свою, согласно установке и модели общепринятой. Этот порядок не должен нарушаться. Чёрных пятен, чтобы вообще не существовало. Надеюсь, ты меня понимаешь, что ничего не должно быть вынесено за пределы.

Кирилл. Михаил Валерьевич, я не вижу причин для беспокойства. Всё, что я делаю, согласовано с действующими нормами. Никто не может меня обвинить в нарушении ведущих линий. Вера и ребёнок действуют, согласно правилам.

Михаил Валерьевич. Вот и хорошо. Ещё раз прими мои поздравления.

Кирилл открывает дверь. В коридоре Вера.

Михаил Валерьевич выходит и видит её. Подходит и обнимает.

Михаил Валерьевич. Молодец, поздравляю. Ты будешь счастливой матерью.

Вера молчит. Её глаза прикрыты.

Михаил Валерьевич. Всё, пока семейству.

Кирилл. Вера, ты пришла наконец. Давай я помогу тебе. Ты вся промокла. Как сходила? Я всем уже рассказал. Извини, что без тебя.

Вера. Мне надо помыться.

Назад.

Вера стоит перед закрытой дверью в комнате. На ней пижама. Она разлила на пол молоко, наступила в него ногами. Её ногам было жарко, она прошла из комнаты на кухню, налила в стакан молоко. Когда наливала молоко, из другой комнаты слышала стоны. В прихожей висело женское пальто. Тёмные пятна от дождя, на полу мокро. Стон и смех её мужа мешался чужим женским голосом. Вера вылила молоко на пол в комнате, закрыла дверь, свет не включала. Встала в лужу. Стоны стали сильнее. Глаза привыкли к темноте. Молоко стало холодным. Ноги Веры замёрзли и слиплись с полом. Стоны прекратились. Кирилл провожал чужую женщину.

Кирилл. Сегодня было отлично. Настроение моё великолепное. Завтра на работе будет сильный эффект от того, что я предложу.

Женщина. А жена сейчас где?

Кирилл. Она спит. Ты ещё не привыкла что ли? Она же сразу засыпает, как слышит стоны. Запирает дверь и сама хорошо засыпает.

Женщина. Ясно, дорогой. Я тогда пойду, мне тоже завтра сложно работать. В четверг буду так же.

Кирилл. Без изменений. Четверг всегда твой.

Женщина уходит. Кирилл идёт в ванную. Слышно, что через пять минут он начинает постанывать. Вера стоит у кровати, смотрит на неё. Когда стон прекращается, она выходит из комнаты и идёт в комнату Кирилла. Ждёт его из ванны.

Вера. Сегодня мне совсем не хочется спать, но ты, наверное, пригласил уже на сегодня женщину?

Кирилл. Вера, я сегодня устал очень с работы, и думаю, что нам сейчас не стоит долго разговаривать, потому что усталость переходит на всё окружающее в этом доме. Тебе надо отдохнуть, ведь ты знаешь, что сон и спокойствие - самые необходимые ситуации.

Вера выходит из его комнаты, идёт к себе. Ложится на кровать, закрывает всю себя одеялом.

Эпизод с обстановкой для рождения.

Назад.

Кирилл. Вера, ты приняла в себя плод нашего совместного счастья...сейчас будут идти одни из самых сложных дней в нашей жизни...беременность должна быть вне шума и болезненных ощущений...чтобы чудо свершилось, нам необходимо принять участие в таинстве терпения и отказа...чтобы шум не проникал в тебя, чтобы грязь человека не пропускало в тебя, нужно замолчать...когда рот закрыт, когда из чрева не выходит ни звука, ни возможного проклятия, плоть участвует в приёме благодати...я хочу, чтобы ты была в условиях защищенности, чтобы людские мрази тебя не волновали, не провоцировали болезнь у нашего ребёнка...будь здесь, в этой комнате...здесь для тебя будет отдых, будет спокойствие...и, самое главное, тишина...а я буду всегда в помощь...я буду тебе создавать всё нужное, чтобы тебе было хорошо. Моя обязанность быть тебе маяком, освещающим жизнь ярким светом, быть постоянством положительного...

Вера. Ты только должен быть так, чтобы я видела тебя.

Кирилл. Иначе и не будет. Смотри в тот угол (указывает в угол потолка, там установлена камера слежения). Я буду всегда видеть тебя, а ты смотри туда и знай, что я неустанно слежу за тобой. Таблеток и инъекций на это время не будет. Я буду приходит на ночь сам, тебя убаюкивать с малышом. Наносить на тебя лезвием я буду дозировано. Необходимо, чтобы ты терпела. Пробуй больше спать и дышать в окно. Я его закрасил, чтобы ты не видела там лишнего. Во всем я сейчас надеюсь на тебя. И наш будущий ребёнок тоже ждёт этого. Твоей воли. Твоего сострадания к нему.

Вера. Я должна буду выйти с эпизодов? Я перестану пропадать и буду каждое время наблюдать, как это будет со мной?

Кирилл. Ты должна видеть, как в тебе растёт спасение от болезни...будет приходить периодически врач...твой, который ведёт тебя вне дома. Он будет смотреть и помогать...Вера, ты думай о том, как ты будешь матерью хорошей. Как ты будешь смотреть за ним и излечиваться.

Вера. Ты не хочешь, чтобы я стала другой...не-больной...

Кирилл. У нас теперь другой статус. Теперь мы станем полноценной семьёй. Нам нельзя быть отчаявшимися...

Вера. Я не хочу. Это нарушение меня, нарушение моего полёта...ты хочешь, чтобы я сидела на земле, а мне надо не так. Мне станет тесно, невозможно находиться в среде толкающих и с одними спинами.

Кирилл. Я не хочу слышать больше этого. Ты - мать будущего...нашей будущей семьи. Полносоставной. Ты сейчас замолкаешь. Говоришь со мной, когда я скажу и в те моменты, когда будет ходить доктор.

Вера отворачивается, уходит к кровати, ложится на неё. Подходит Кирилл и накрывает её полностью одеялом. Смотрит на окна, они жёлтые. Смотрит в сторону камеры, выходит из комнаты, закрывает дверь. Проходит в другую комнату, включает компьютер, настраивает

изображение с камеры, включает режим в темноте. Смотрит за кроватью. Позади него раздевается женщина. Она ни о чём не спрашивает, подходит голая к нему, опускается ему между ног. Снимает брюки. Кирилл смотрит на монитор. Вера стоит под камерой. Смотрит на неё. Кирилл закрывает глаза, его рот приоткрыт.

Назад.

Нехватка острых конечностей приводит Веру в бешенство. Она ходит не прямо и без ритма по диагонали комнаты, на полу разлито молоко. Её раздражает то, что Кирилл приносит его теперь в пластике. Она зажимает рукой рот, чтобы не начать кричать. Чтобы извлекать звук, не похожий на голос, она пальцами лезет себе в горло, вызывая рвоту. Вера хрипит, согнувшись к полу. Падает на колени, старается повернуть сильно голову то в правую, то в левую сторону. Ей хочется, чтобы перевернулось в глазах окружающее. В стекло бьёт дождь. Она знает, что воздух тяжёлый, потому что теснит внутри.

Назад.

Вера закрывает поочередно глаза руками, чтобы научиться резать пространство. Свободной рукой она прячет попадающее на глаза. Вера чаще думает о том, кто внутри, органы начинают сдавливать, ей приходится много времени ощущать чуждое в себе.

Назад.

Веру гложет паника. Она не говорит внутри себя, так как она знает, что её речь относится к другому, тому, кто внутри. А значит, она нарушает данное Кириллу обещание - молчать. Вера боится наказания за неуважение, боится быть выведенной из особого положения нуждающейся в заботе.

Назад.

Вера реагирует на свет болезненно. Когда с утра зажигают свет, она накрывает себя одеялом сама. Кирилл реагирует нормально. Ей нужно больше спать. Под одеялом меньше всего, но возникают образы. Влечение представлять режет больно. Вере сильно неприятно.

Эпизод выхода в другое пространство.

Назад.

Вера в сопровождении врача на приёме в женской консультации.

Вера. У меня всё хорошо. Анализы в порядке.

Врач. Мы всё делаем в частном порядке. Здесь для отметки. Можете сами убедиться (протягивает амбулаторную карту).

Врач из консультации смотрит на Веру и, не смотря в бумаги, перелистывает их.

Врач из консультации. Жду через месяц. Вам ещё полтора ходить.

Врач. Мы в курсе. (кладёт конверт на стол. Смотрит на врача).

Врач из консультации забирает конверт, смотрит на врача.

Врач из консультации. Хорошего дня. Не промокните под дождём.

Врач. Всех благ. (выходит)

Вера встаёт и выходит за врачом из кабинета. Садится на стул. Приём идёт без посетителей. В выходной день.

Назад.

Вера. Носить тебя...эта новая обязанность мне слишком тягостна...я глаза очень напрягаю, чтобы различить себя от тебя...тебя становится слишком много и уже не мои руки поднимаются, чтобы переодеть ночную рубашку...фрагментарность в движениях наращивает кожу, она местами желтит...она перестаёт быть моей. Натягивается на новые конечности...я трогаю пальцами грудь, она уже другой формы, спина в вязкости кожи. Я покрыта не собою, моя плоть невидимо ушла от меня. И она произносит вонь на окружающее. До тошноты изменился воздух чужим, не моим телом.

Эпизод допроса.

Назад.

Врач. Мне повторить вопрос, Вера?

Вера смотрит на врача. Она знает его имя, знает, что он поставлен наблюдать её беременность. Но он не вызывает в ней ясности, его слова неразборчивы для её восприятия.

Вера. Прошу говорить наиболее разборчиво. Я вас слышу, но становится очевидно, что вы говорите совершенно иное. Может вам показаться, что я не в себе.

Врач. Вопрос о твоём самочувствии, Вера.(Врач смотрит выжидательно.)

Вера. Голос в этой комнате становится мне неприятен. Он не ваш. Это он уже говорит? Просто его трудно и невозможно здесь слышать.

Врач. Пойдём в подъезд, к подоконнику.

Врач помогает Вере встать. Выводит её из квартиры. Помогает спуститься по лестнице. Становятся у подоконника. Вера не смотрит по сторонам. Только на врача. Она заметно дрожит. Она не может быть вне комнаты.

Вера. Так нельзя. Ему (показывает на живот) будет плохо. Папа его будет переживать.

Врач. Вера, нам скоро надо будет идти за направлением в роддом. На следующей неделе. Тебе осталось недолго...ждать. Поэтому, как ты себя ощущаешь сейчас? Просто на этот вопрос ответь. Кирилл разрешил.

Вера. (смотрит на врача. после его разрешения она обдумала направленный к ней вопрос). Тогда хорошо...я готова...я только прошу дальше подготовить для меня обоснования моего положения иным языком, другими текстами...через ваш язык...как в рецептах и дежурных журналах. С шифровкой.

Врач. Хорошо. Вера, потом будут другие условия. Вера, я тебе обещаю.

Вера уже не слушает, она отвернулась и пошла по лестнице вверх, опираясь на перила.

Эпизод борьбы с телом. Невыносимость сотрудничества.

Назад.

Вера. Я себя хочу избавлять от воспоминаний. Я обнаружила выход от изъятия от себя болезни...мне она так необходима, в ней есть спасение для моего существования. Она через пустоту образует меня не в чёрной желчи, а в желтизну удаляет...я стала терять внутри, внутри себя целые движущиеся потоки из прошлых дней, они выгорают на глазах...я закрываюсь под одеялом, снаружи нет света, Кирилл выключает когда, и негативы, висящие на нитке, как будто комкаются...я уже не привожу в усилие свою голову, они сами исчезают. и только поначалу тупая боль была во мне, сейчас реже...я уже не реагирую за потуханием этих карточек...они двигались внутри рамочки, а потом всё больше обрывки штрихом выводились...чье-то ухо, как будто я губами в него говорю, совсем маленькие губки, и пальцы тоже маленькие, только в щеку чью-то цепляются, дальше нос чей-то, он сморщился, мой

палец его цепляет...сбоку как чужой голос в сторону крикнет - папа!, и уже стал эхом этот крик, и как не было его...я выбираюсь после из-под одеяла и сажусь на пол. На полу бумага разбросана и карандаш со сломанным грифелем. Я черкаю посередине, закрашиваю норовящее выйти, что напоминает мне когда-то себя, середина бумаги рвётся и пустая середина остаётся, со взрытыми концами...Чем больше бумаги с пустым насквозь кругом, тем мне спокойнее и совсем не надрывно...я беру и собираю в стопку листы, они маячат пустым, они повторяются...все дни повторяются. Я показываю их на камеру, заходит Кирилл и забирает их у меня. Он их уносит. Кирилл приносит новые листы, я продолжаю делать с ними тоже самое. Молоко разливается по полу, я не смотрю в сторону его. Кирилл подходит и надо мной увеличивается с лезвием. Я отворачиваю голову, ложусь к нему на пол. Он опускается и наносит мне линию на плече. Кровь капает в молоко. Я встаю, мне теперь достаточно малой линии...я стою пока он меняет бельё на кровати. Я ложусь на неё, Кирилл накрывает меня с головой одеялом. Он долго сморит на живот. Он растёт. Кириллу это нравится, но он приносит всё больше бумаги...тупая боль появляется вместе с принесенными листами. Как будто что-то я не вынула из себя... Вера смотрит на Кирилла. Показывает на рот, убирает при нем другую руку от своего рта, держит рот открытым.

Назад.

Кирилл. Настаёт момент, когда ты должна вслух проговаривать для ребёнка слова, чтобы он слышал мать, чтобы он готов был к ней...Я разрешаю тебе говорить, разрешаю любить его словами. Прояви нежность, чуткость и заботу. Я к камере установил динамик, и когда ты будешь спать, то я ночью ему буду тоже говорить. А ты говори днём.

Вера. Мне кроме стога трудно произносить что-то.

Кирилл. Я принёс книги. Здесь молитвы и сказки. Читай. Заставляй себя. Ребёнок должен тебя слышать, ты ему биологически принадлежишь.

Вера. Кирилл, мне нужно, чтобы ты сейчас стал ко мне ближе, мне нужно тебя понять вновь и узнать...

Кирилл подходит к Вере. Она ложится на кровать, руки врозь, вывернула венами наружу. Кирилл достаёт канцелярский нож, делает надрез.

Вера. Руки её лежат вдоль тела. Надрез совершен по правой руке в районе предплечья. Губы кривятся в раскрытии. Кирилл закрытыми глазами принакает ближе, раскрывает рот... лоб её морщится, на нём как будто резаные раны, в районе глаз дрожь, виски Кирилла пульсируют, на шее вздулась вена, её трясёт. Её ноги семят, как будто отбрыкиваются, его рука сжала её горло. Больше я ничего не вижу, одеяло натянуто поперёк головы.

Кирилл выходит из комнаты, выключает свет, закрывает дверь. Его брюки мокрые. Он плачет.

Назад.

Вера. Чужое тело лежит передо мною. Оно действительное, начинает выгиняться...оно смотрит на меня. Я бегу к двери, стучусь в неё. Мне становится страшно. Оно надвигается. Оно во мне...Циркулирует боль жгучая повсюду, глаза застилают слюны, зубы рвут губу в судороге. Тысячи шипов делают отметины и отверстия, как будто закручивают на мне невыносимое чужое тело...Я стою у двери, она открыта. Я слышу стон из другой комнаты. Он сменяется плачем. Я хочу выйти. Громко стучит за окном...

Вера выходит из квартиры, осторожно закрывая за собой дверь. Она часто дышит, ей тяжело наступать на ноги, у неё начались схватки. Время начало пятого утра. На этаже пусто и темно, и каждый случайный звук оглушает пространство всего подъезда. Вера вызывает лифт и проходит дальше к двери следующей квартиры. Под шум открывающегося лифта, Вера открывает дверь чужой квартиры (дверь не заперта) и скрывается в коридоре. Она громко дышит, прерывисто стонет, но сжатая во рту деревянная палка сдерживает вой. В коридор выходит мальчик лет 13. Смотрит на Веру.

Мальчик (берёт за руку Веру и тянет на себя). Папа спит. Идём. Ты обещала сейчас себя отдать, да? Ты уже стала больше, но темно так и мне не видно, что ты огромная, хотя чувствую, от тебя много пота идёт.

Мальчик ведёт Веру в ванную комнату. Возле двери от Веры остаётся лужа, её ноги мокрые, она как будто шлёпает по воде.

Вера. Представь, я уже сегодня смогу родить, выбить из себя болезненное, что меня крутит уже долго. Я сейчас во сне видела, как меня тошнит горечью и она жжёт мне весь пищевод и плотку. Я такая проснулась, как будто в огне. Ты же выжигашь по дереву? У тебя я видела картинки... мне ещё показалось, что там ты ящерицу выжег без кожи.

Мальчик. Я-щерица. Как у мам...

Вера (перебивает). Такая она вся чёрная и рваными пузырями покрытая. (Вера резко толкнула мальчика к стене и прижалась к нему). Не могу, блять, больно мне жуть как. У меня внутри горит всё, во рту плавится всё, я дурею сейчас и как будто исчезаю, а он ещё во мне. Время сейчас как раз и ты мне поможешь, как тогда обещал.

Мальчик. Обещал.(он протягивает руку к крану и включает воду).

Вера опускается на колени, снимает пижаму с мальчика. Она смотрит на его живот, как будто вспоминая что-то. Мальчик прячет свои гениталии в ладони и выгинается вперёд. Его лицо искривляется. Вера отнимает его руки и начинает выцеловывать ему тело. Мальчик вцепляется в её волосы, притягивает на себя, царапает ей лицо...Вера сглатывает сперму, но часть со слюнями пузырит на губах. Поднимается с коленей и смотрит на мальчика, тот опустил голову и медленно опадает на пол, держась за Веру. Он не издаёт ни звука. Вера включает второй вентиль крана и выходит из ванной. От открытого света виден диван. Вокруг

него ползает мужчина. Воняет гнилой кожей и потом. С ванны тянет запахом свежей спермы. С лба Веры капает кровь.

Вера возвращается в свою квартиру, проходит в спальню. На кровати спит Кирилл, её муж. Она долго смотрит на него, но очередная схватка прерывает тишину. Она взрывается воем. Вера падает в подушку, начинает биться, как будто в припадке. Кирилл вскакивает в ужасе, смотрит на жену...

Кирилл. Вера, милая, началось, да? Я одеваюсь, вызываю скорую, да? Всё, я звоню

Вера стонет, не обращает внимание на мужа. Сейчас она владеет положением. Сейчас она не принадлежит никому...это убеждение пульсирует, кровь из царапин начинает заливать глаза, сперма мальчика пятнами пошла по подушке, но и сохлась в волосах. Вера кричит громче. Кирилл хватает её руки и тянет в ванную. Вера закатывает на него глаза, хрипит. Схватка отступила.

Вера. Милый. Надо собираться. Пакет с вещами я уже подготовила. Давай поедem на нашей машине. Я не хочу на каталке, это как в гробу и ты у изголовья. Нет, я хочу рядом с тобой. Пока ты будешь нас везти, я буду смотреть на тебя и успокаиваться.

Кирилл. Да-да, так лучше. Едем.

Кирилл мечется по комнатам, включает и выключает свет. Вера надевает на себя пальто, на ту пижаму, в которой она была всё это время и тихо, босыми ногами идёт в прихожую.

Дальнейший эпизод общий. Без разрывный.

Всегда *Назад*.

Вера. Совсем не больно, совсем спокойно...совсем страшно вышла от него, так быстро и некрасиво. Всё, что выкидывала от себя, освобождалась когда, накинулось в эти часы и душило и душило...и вот он появился рядом...такое теперь навечное...не могу думать, не могу смотреть, я себя сейчас напрягаю, чтобы выключиться, мне нужно потемнее, назад, в ту комнату, где я до этого ожидала...

Кирилл. Вера, мы тебя все поздравляем с выздоровлением...всё прошло, ты была выносливой, переубедила всем назло...справилась с рождением. Теперь тебя будет нужно лечить ещё скорее, чтобы ты была с нами рядом...

Вера не хочет слышать всех поздравлений. Её выписывают отдельно, не при всех остальных роженицах. Она стоит в зале родильного дома, держит конверт с ребёнком. Она смотрит мимо всех. Глотает воздух. Ей душно. От ребёнка исходит жар, Вере слишком горячо и сложно держать его. Кирилл забирает ребёнка от Веры, отворачивается, его обступают родители. Вера стоит, она хочет отвернуться, но не знает в какую сторону идти. Она не может ориентироваться в пространстве.

Кирилл и Вера дома. Ребёнок спит в кроватке в той комнате, где Вера ожидала в период беременности. Кирилл смотрит на Веру. Он держит её за руки. Вера не знает об этом. Для неё её тело становится ещё более чужим после родов. Кормить грудью Кирилл запретил. Он вызвал женщину у которой много молока. Она сцеживает его с себя специально для новорожденного.

Кирилл. Через два месяца я отпущу тебя в больницу. Для завершения лечения. Вера, теперь ты будешь только на лекарствах. Болезнь должна отступить через некоторое время после. А сейчас ты должна быть чаще с ним, потому что он в этом нуждается. Он должен чувствовать твоё присутствие. А потом буду присутствовать чаще я. Мы должны правильно и эффективно выстроить систему его восприятия и воспитания...

Вера. Можно я первые дни помолчу. Мне больно сразу становиться говорящей. Я дурею от этого.

Кирилл. Заставляй себя чаще говорить. Но на время твоего прихода в себя здесь будет дежурить женщина, которая будет его кормить. Она будет молчать всегда, только заходить, когда ему будет требоваться кормление. Это на время, пока мы не перейдем на другое безопасное кормление...и пока ты будешь более зрячей.

Кирилл отпускает руки Веры и выходит из комнаты. За дверью сидит женщина. Она ждёт, когда проснется ребёнок, чтобы кормить его. Дверь закрывается. Вера смотрит долго на кровать, потом на завернутого в пеленки ребёнка. Вера наклоняется над ним, хочет приблизиться к нему, к его дыханию, но промахивается и падает рядом на пол. Отодвигается, ползёт до кровати, забирается на неё, одеялом закрывается полностью и засыпает...

Ребёнок просыпается, кричит, в комнату проходит женщина, достает его из кроватки, кормит, укачивает...после этого кладёт на несколько минут его рядом с Верой, которая под одеялом...потом перекладывает его обратно в кроватку, уходит. Так и в следующие дни...

Вера (стоя за дверью комнаты из которой доносятся крики ребёнка). Не кричи сильнее. Ты напугаешь тело, оно боится...зайти и трогать такой режущий звон невозможно, он режет всё окружающее. Давай ты будешь молчать и я пройду и буду гладить его, наше тело...(смотрит на кормящую женщину). Зайди туда, нужно больше, наверное, молока. После ты уйдёшь на время. Мне необходимо попробовать успокоить бешенство, потому что оно готово дом разорвать. А там сейчас так стучит за стенами. Дождь такой проникающий. Нужно укрепить наш дом. Я отведу тебя на время к соседям, там одному мальчику требуется материнское вмешательство через молоко. Ты понимаешь, да?

Женщина кивает и проходит в комнату, начинает кормить. Вера проходит на кухню, достает бутылку с уксусом, ставит на стол. Уходит к комнате. Когда женщина выходит, Вера её провожает к соседям. Там мальчик с интересом провожает её к отцу, Вера возвращается в свою квартиру.

Вера. Ты сейчас молчишь, тогда я буду спасать. Не надо молить, не надо этих поклонов и стояний долгих около тебя. Тело болит слишком, ему надо иначе помогать. У меня его нет, а ты ещё его не умеешь носить. Тебе слишком оно велико и я уверена, что ты в нем теряешься...

Вера подходит к спящему в кроватке ребёнку. Вера начинает её качать, пытается издавать звуки, как учил её Кирилл. Она пытается петь. Только очень тихо. В комнате раздаётся редкий гортанный писк из шевелящихся губ Веры. Вера аккуратно протягивает одну руку внутрь кроватки, находит пеленку, натягивает на нос и рот ребёнка, зажимает её, отворачивается. Вера вынимает ребёнка из кровати, кладёт на ковер, смотрит. Ребёнок не шевелится.

Вера. Болеешь. Ты заболел теперь. Точно. Как же так? я точно ведь понимаю, что болеть только можно мне, а вышло, что ты заболел...нет, не так всё должно было стать. (Вера ложится рядом с лицом ребёнка, он не дышит, Вера не понимает, почему стало всё ей чужим. Она испугана. Она идёт на кухню, берёт со стола уксус, возвращается в комнату, поднимает с ковра ребёнка, убирает его в кроватку, выливает уксус на ребёнка, выливает на себя, на руки...от боли её отбрасывает к стене, она ударяется о стену, теряет сознание.

Кирилл заходит в квартиру, когда Вера ударяется головой о стену. Он смотрит на окружающее его, он в смятении.

Кирилл.(по телефону) Михаил Валерьевич, нужна помощь Ваша для связи с местными ментами. Вера убила ребёнка...Это нельзя так сейчас обставлять. Нарушается ход биографии...Да, мы можем сыграть на том, что она больна....будет в клинике лечиться...поехала от горя...типа послеродовая депрессия...а я всем сообщу, что мы в горе, мы не до конца справились с болезнью...а ребёнок умер от болезни, которую не распознали сразу...только пусть менты будут уже заряжены на эту историю...я понял...она не выйдет из психушки...да, она там исчезнет в итоге...я беру уже это на себя...вы только мне сейчас, на этом этапе помогите и поддержите...да...

Веру увозят без сознания в больницу. Она попадает под наблюдение в психиатрическую больницу. Придя в себя, её окружают врачи, которых знает её тело.

Кирилл организывает похороны с длительным плачем. Он скорбит и много молчит. Его поза трагична. Его окружают и соболезнуют.

Вера.(стоит в коридоре больницы, прижавшись к стене. Смотрит в окно. Рядом с ней, отвернувшись от неё головой, на коленях, больная).Сегодня такой должен быть день по счёту. Хоронят моего...Слышь, девушка (обращается к больной, та не реагирует головой, но поднимается с колен). Слышишь, я видела, как ты рисовала у психотерапевта. Я видела, как ты этими чёрточками так красиво наносишь людей. Прямо всё видно, всё понятно. И такие они все, не как куклы, не как безголовые и все с ладонями. Не как в витринах.

Больная. Я в эпизоды часто не вижу людей. Они просто исчезают. И они мне отвратительны поэтому. Я, конечно, наверное, иду рядом с ними, меня они сбивают с ног, но я их руки, пиджаки, волосы вообще не вижу. Как бы сразу забываю. И я прихожу обычно после эпизода

в больничку и рисую их. Они, конечно, совсем хуёвые, потому что в тормозе и под колёсами, но больше другого я не вижу. Я по ним, по картинкам потом вижу, как всё на самом деле.

Вера. Я тебе сейчас буду говорить, как я вижу, как его в гроб кладут и кто это делает, а ты рисуй. Ты должна запротоколировать это. Меня всю уже в протоколах обозначили. Я живу механически поэтому, а хочу увидеть что-то между строк. Но ты всё точно рисуй, а я потом смотреть буду и представлять.

Больная идёт по коридору до своей палаты, заходит туда и возвращается с карандашами и бумагой. Она и Вера идут к столу. Вера подходит к окну, там решётки и за ней грязные жёлтые шторы с вышитыми цветами.

Вера (смотрит в окно). Там сейчас ветер по ходу. И сильный он такой. Должно быть сыро. Все хотят побыстрее уйти и уехать по домам. Гроб несут Кирилл и его отец. Место недалеко, чтобы туда подъехать на машине можно было. Кирилл дорогое место заказал. Уже ограда готова, она как заборчик в детском саду, как у меня типа, зелёная вся, и низкая. Гроб поставили на табуретки. Точно-точно, прямо на такие, обтянутые коричневой кожей, табуретки, на две. Яма глубокая, но маленькая, гроб маленький такой. Крышку откроет Кирилл. Никто не подойдёт, ведь все плакать будут. Внутри он лежит, на бочку, ножки вытянув, руки в стороны, но чётко, вытянуты, как чертежом, он ведь мёртвый, не живой. Кто-то, я сейчас не вижу, он за спиной у отца Кирилла, начинает тошнить. Его крючит, и ветер кроет его ещё. Кирилл поправляет в гробу ботиночки. и никто даже не поёт. А я пою (мычит подобие колыбельной)...И всё, короче, не рисуй, я всё соврала. Уйди, я в окно буду смотреть. Больная смотрит на Веру, на столе рисунок, где Вера как будто душит в маленьком гробу кого-то шторой жёлтого цвета.

Больная забирает рисунок, выходит в коридор. Вера улыбается на окно, прикрыв глаза. пальцы рук перебирают что-то невидимое.

Вера проходит в комнату для свиданий психиатрической больницы. За длинным столом всё занято, много посетителей. Пришедшие стараются говорить тихо, и голосов как будто нет. Голоса больных на пределе своих возможностей. Глухие, острые, протяжные, срывающиеся. Душно. Запах произвольного испражнения не прекращается. Кирилл занял место у окна, в руках бумага, на коленях пакет с фруктами. Вера проходит к нему, садится рядом. Её руки перетянуты бинтами.

Вера. Я хожу тут по коридору, туда-сюда, все тут такие вмятые в эти стены. Они болотного цвета. Я должна найти всегда десять женщин и к ним подойти. Андрей так просит, психотерапевт.(Вера смотрит перед собой, пальцы сжимают колени. Если она их отпускает, пальцы начинают трястись и судорога проходит по телу). Я прошу их говорить мне всё невыносимое, всё лишнее, что давит им горло .Я говорю, что рот им разорву, если будут молчать. Я прошу их говорить. (Вера говорит монотонно, сбиваясь в ритме. Она старается его выстроить, но он постоянно ломается)...Говори, давай. И какая-нибудь только рот открывает, как скрип начинается, я проваливаюсь в подвал, и он дальше проваливается весь в комнату его...Саши.

Кирилл. Вера, может, не надо, может, ты съешь яблоко (шуршит пакетом, достает зеленое яблоко, держит перед её глазами). Оно вкусное. Это правда. Давай рот. Открой, откуси.

Вера. Прочитай мне. я не вижу уже, всё плывет. Сейчас только шла, говорила, и кровать только оставалась. Она качалась от моей руки. А если отвернусь от неё, там только ковер.

Кирилл. Врач просит, чтобы я тебе больше не читал ни протоколы с места происшествия, ни отчёты по экспертизе. Он говорит, что ты не готова ещё полностью принять. Должны сначала таблетки и инъекции подействовать, стабилизировать твоё психическое состояние. У меня здесь ещё виноград. Он может вкуснее яблок тебе будет. Открой рот.

Вера встаёт со стула, обходит стол, идёт к выходу. Санитарка останавливает, берёт под руку, тянет назад.

Санитарка. Иди к мужу. Ты не договорила с ним. Иди обратно.

Вера обходит снова стол, подходит к Кириллу и падает перед ним. Её начинает тошнить. Спазм выгнул тело, она закашливается. Кирилл резко поднимает её с колен. Вера начинает кричать, и биться на месте. Кирилл обнимает её. Вера вырывается и бросается на окно. Санитарки вдвоём подбегают к ней и уводят в коридор. Кирилл садится на место, подбирает пакет и бумаги. Смотрит на стол. На него исподтишка, обрывчато выглядывают посетители. По коридору проходят мужчины в одинаковых пижамах. Они из мужского отделения и вынуждены проходить через женское на время ремонта их лестницы, ведущей на улицу. Они перешагивают Веру, забившуюся на время в пол. Они не обращают на неё никакого внимания. Вера с пола смотрит на перешагивающие ноги. Они воняют. Вера открывает рот и тянется головой вверх, прикрыв глаза...Санитарки поднимают её с пола, она уже в покое, отводят к мужу.

Вера. Читай.

Кирилл. Капитан полиции, такой-то, произвёл допрос гражданки Мелантьевой В.С., по адресу такому-то в условиях двухкомнатной квартиры, перед госпитализацией гражданки. Мелантьева В.С. описывает происшедшее возможно в состоянии аффекта. Дальше твои слова, ты писала.

Вера. Да, что там я писала?

Кирилл. Я сижу спиной ко всей комнате, лбом вперила в стену. Рукой трогаю рядом стоящую детскую кровать, качаю её не размеренно. Но она как будто сама себя раскачивает, а я остальное своё тело; лоб давится об стену, скрип обоев и кожи...Форточка в комнате приоткрыта, внутрь комнаты западают голоса, их нужно перебивать, убирать, тут на полу, на ковре лежит ребёнок, Саша, мальчик, на спине, в пелене... Я смотрю дальше в стену, что-то говорю, губы дёргаются постоянно. Сквозняк хлопает форточку, голоса давятся ударом. От трения лба по стене возникает гнусавый писк. Я опрокидываю голову в потолок, губы смыкаются. Рука теперь качает только кровать. Я встаю со стула, отпускаю борт кровати, разворачиваюсь спиной к стене, смотрю на дверь. Иду к ней по ковру и закрываю её. Поворачиваюсь от двери, ищу глазами ребёнка и смотрю. Заставляю себя не дышать совсем, надолго закрываю глаза, неумело ступаю к ребёнку, один и два шага. Останавливаюсь и резко открываю глаза и смотрю вниз. Щурюсь, размыкаю губы, начинаю повторять: «Са-ша, Са-ша, Са-ша»... Опускаюсь на колени, живот тянет, протягиваю по ковру руки вперёд, ложусь

полностью...всем ртом пчусь к щеке ребёнка, начинаю с неё глотать воздух, набираю его глубже в себя, и вырываю его в ухо ребёнку...ещё набираю, пеленка не шевелится, внутри неё стынет... из горла меня начинает хрипеть, я замкнула между вытянутых рук тело ребёнка и хрип идёт на него всего. Я хватаю тело и начинаю сдирать с него пелёнку. Его маленькое тело повисло на мне, я прижимаю его одной рукой, другой бью по лицу, спине, рукам, пелёнка спуталась в ногах и висит. Я кладу ребёнка на спину в кроватку и бегу по стене к двери, открываю её. Саша остался лежать на спине, не дышать совсем. Я возвращаюсь, закрываю дверь и к нему тихо. Наклонилась, смотрю на него, в моей руке открытая бутылка с жидкостью. Жидкость эта - кислота. Я вылила чуть на его грудь, чтобы он от боли заорал. Его кожа покрывается красным и растекается в шипении. Я продолжаю ждать, смотрю. Обошла кроватку, села на стул спиной к стене и вылила оставшееся с бутылки себе на руки, выбросила бутылку и начала растирать руки, потом ладонями щёки и губы...

Вера. (задумчиво). Я психотерапевту не так рассказала.

Кирилл. Не важно. Всё уже там, в прошлом. Никакого следствия не будет, не ты убила его. Он умер по болезни. Она незаметная была. Ты уже тогда была нездорова, а я не заметил. Тебе надо было отдохнуть, побыть в покое. ...

Вера. Ты стоял в проёме двери, я тебя не пускала.

Кирилл. Я пришёл домой раньше. Ты стоишь в открытой двери и шипишь вся. И запах такой кислый повсюду, едкий. Я хочу пройти, ты меня не пускаешь. Я тебя оттолкнул, я испугался, и в комнату. А там Саша в кроватке, но я, нет, я сразу понял, что это не ты сделала. Я вызвал скорую. Ты пошла к лифту.

Вера начинает раскачиваться на стуле. Да, после ковра...Саша замолчал весь, и голоса только с улицы, каких сейчас нет. А, да, здесь всё закрыто...Я его не обогрела, потом только себя. Оказывается то, что было в бутылке только на меня действует горячо...(Вера резко поворачивается к Кириллу) Ты принёс её?

Кирилл достаёт из пакета пелёнку. Это та, которая была до последнего в ногах их ребёнка. Теперь она пахнет фруктами. Кирилл подносит её к глазам Веры. Вера не узнаёт её.

Вера. Я пойду,а? мне сейчас можно будет прилечь.

Кирилл. Да-да, Верочка, милая, иди, я пойду домой и завтра приду.

Вера. Да...Да...(Вера отворачивается и идёт к выходу. Останавливается возле одной больной. Она держит раскрытой книгу и читает пришедшему мужчине.)

Больная. Мне психотерапевт сказал больше стихов читать.

И всё, что жаждало пролиться,-

Вся кровь из глаз, вся кровь из ран –

Со скатерти – на половицы.

И- гроба нет! Разлуки – нет!

(Кирилл проходит мимо и выходит из комнаты для свиданий.)

Стол расколдован, дом разбужен.

Как смерть – на свадебный обед,

Я – жизнь, пришедшая на ужин.

(Вера подходит к санитарке)

Вера. Там уже темно на улице, а ужина не было ещё. Мне поесть надо.

Санитарка. Иди уже. Рано до него. А темно из-за скорой зимы.

Вера проходит длительное медикаментозное лечение. Много работает с психотерапевтом. Он тренирует её память через рисование и чтение стихов и прозы советских литераторов. Через их строки специалист требует восстановление личности в социально-необходимой действительности. Его забота распространяется на тела больных, он иногда забывается и трогает недвижимые тела. Тела чаще не реагируют на прикосновения, они молчаливы из-за нагруженности инъекциями. Психотерапевт видит свою задачу в подготовке больных к выходу из болезни сменой положения действующей ситуации. Душевное насилие, совершаемое болезнью, исключается средствами насилия над телом. Предварительно он собирает санитаров женского и мужского пола и просит их совокупляться перед больными. Когда он чувствует, что происходит интерес у больного, то он подталкивает к участию и его. Иногда, когда его настроение находится в крайних состояниях, он принимает активное участие в действии сам. Он убеждён в правильности своей практики. Он исключает религиозное насилие. В начале сеансов он убедительно просит больных снять с себя предметы ритуальных различий. Он сам проявляет инициативу, срывая каждый раз серебряный крестик с цепочки, и бросая его на пол.

Кирилл каждый день приходит навестить Веру. Он приносит ей цветы и деньги для врача. Кириллу особенно нравится присутствовать за стеклом, наблюдая сессии психотерапевта. Иногда он остается посмотреть на практику психотерапевта с другими пациентами. Кириллу совершенно не понравилось приходить в больницу к Вере, в которой она находилась две недели после смерти ребёнка. Но того требовала особая процедура. Его безудержное отчаяние должно было наблюдать как можно больше глаз. Сейчас дело завершается, потеря становится забытой и вытесненной. Через некоторое время Веру выписывают. Кирилл готовит новую схему для возрождения их семейной модели. До определенного момента Вера должна нуждаться в нём, как в безутешном муже, всё же справляющемся с её болезнью. А после она должна вновь зачать...

При выписке Вера просит Кирилла дать ей возможность самостоятельно пройти из больницы до дома. Кирилл соглашается. Он обещает её ждать дома с родителями.

Вера принимает лекарства, покидает больницу. Она едет в автобусе до метро, она хочет выбраться туда, где многолюдно.

Вера. Когда много сейчас пойдёт на меня, то они должны будут меня принять, как и просил меня Кирилл. Я должна быть среди них и делать с ними их общее стремление.(Вера спускается по эскалатору вниз). Почему только меня не видно? (Вера прижимается вперед к мужчине. Мужчина отшатывается и ускоряет шаг.) Не видно и не слышно. (Вера хочет закричать. Но открывает только рот. Её не слышно.) Впереди идут в разные стороны от меня, и восстановленное для меня тело не старается подчиниться ни одному из них, идущих как будто навстречу. Я не испытываю тяги, я пытаюсь только обрести единственную цель, вынуждающую меня сейчас здесь быть. (Вера садится на сидение в вагоне. Её глаза смотрят повсюду, они ищут). Почему мне не видно глаз? Овалы, круги, квадраты, только очертания и не наполненные ничем. У них нет тел, я так значит понимаю? И ведь они не разговаривают. Точно. Меня вылечили для них, но они без тел, только начинания, без готового конструкта...или только из-за их множества мне их не слышно. Я разговаривала всегда через одни руки, которые меня касались, но пусть пальцев становилось больше, но голос всегда присутствовал какой-то один.

Вера проходит по вагону, она специально старается столкнуться лицом с кем-нибудь. Но от неё отворачиваются. Её запах из больничной палаты и лекарств отторгает людей. Они просто заняты другими.

Вера. (идёт по улице. читает рекламу и названия магазинов.) Здесь я найду для тела много удобного, чтобы оно старалось быть довольным и не приносило убыток моему спокойствию внутри. Потом я вынуждена буду разделить тело с ним, кто будет выжидать срок у меня. Значит тело должно быть больше, чтобы он мне не мешал...потому что лечиться очень долго после этого. Но так мне ещё раз не хочется, я уже сейчас чувствую всю несвободу и тупую боль. Это невыносимое молоко повсюду в пластиковых стаканах. Такое оно не жидкое, а как тяжелое...и внутри переваривающееся в черноту, в ненавистную желчь...а ещё очень душно, совсем не так, как дома и в больнице...там всё время стучит и покрашенные в жёлтое стены. Здесь всё стоит на своих местах и не меняется...

Вера убегает с многолюдной улицы. Она сбегает в постороннюю улицу, бежит к ближайшему дому, забегает в открытую дверь подъезда. Она прячется на лестнице. На подоконнике курит пьяный мужчина. Вера смотрит на него.

Вера. Ваше лицо сейчас не в очертании, оно полное.

Мужчина смотрит на неё измученно, тушит сигарету, подходит к ней.

Вера. Мне сейчас на улице, где много всех, стало слишком страшно...(Вера отворачивается и ищет в пакете таблетки). Я сейчас здесь побуду, приду в себя (закидывает горсть таблеток) и поеду домой. Я поняла, как мне не становиться другой. Я ведь просто на это не способна.

Мужчина становится к ней ещё ближе, для Веры его становится очень много, он заполняет весь подъезд и дом. Вера проваливается в него...

За окном начинает стучать. Вера выходит из подъезда, вытирает рот, на её ладонях мутная свернувшаяся жидкость, её запах знаком Вере, она вспоминает и улыбается.

Вера промокшая стоит перед дверью своей квартиры. Смотрит в глазок. Поднимает руку и стучится. Дверь открывает Кирилл.

Кирилл. Ну вот ты и пришла...а мы тебя уже заждались. Проходи скорее, тебя все скорее хотят увидеть.

Вера. Мне нужно переодеться...и зайди ко мне через десять минут.

Кирилл. Хорошо...давай скорее.

Вера проходит в свою комнату. Детской кровати уже нет. Окна поменяны. Нет жёлтого. В них стучит дождь. Вера раздевается, бросает мокрое платье на пол, снимает нижнее бельё, остается голой. Вера садиться на корточки...

Кирилл заходит через десять минут и видит Веру, которая вымазывает всю себя испражнениями.

Вера. Кирилл, мне стало совсем невыносимо. Здесь нет совсем любви. Я никогда так не могла этого понимать, но мне совершенно отвратительно моё тело. Сейчас оно должно не нравиться нам обоим.

Лицо Кирилла искривляется в бешенстве, он хочет избить Веру, но сдерживает себя и удаляется в другую комнату. Оттуда слышится смех и радость.

Кирилл возвращается, Вера стоит в проёме двери. Кирилл бережно отводит её в ванную, включает душ, ставит под воду Веру. Начинает её мыть.

Кирилл. Вера, я тебя очень люблю. Скоро всё будет совсем по-другому. Я уже всё придумал.

Вера плачет. Кирилл насухо вытирает её полотенцем, помогает выйти из ванны. Он улыбается. Он доволен.

Вера. Кирилл, мне сейчас очень нехорошо, мне надо отдохнуть. Я завтра увижусь со всеми...только не сейчас. Я пойду в свою комнату. Посплю там.

Кирилл. Хорошо...я извинюсь перед родителями. Тебе и вправду лучше отдохнуть. Молоко я занесу позже.

Вера уходит в комнату, Кирилл к родителям. Слышны понимающие интонации.

Вера ждёт полной тишины и ночи, аккуратно выходит из комнаты, забирает со столика бутылку с молоком. Заходит в комнату к Кириллу. Он глубоко спит. Вера открывает его шкаф, начинает искать. Находит пеленку ребёнка, выходит из комнаты, закрывает дверь. Вера спускается на улицу, идёт к качелям. Разливает молоко на землю, делает удавку. Затягивает на перекладине, забирается на качели, перетягивает шею. Вера спрыгивает с качелей, судорога выгибает её. На разлитое молоко стекает из-под Веры. Из подъезда выходит мальчик,

подходит к висящей Вере. Начинает её раскачивать. Из верхнего окна высовывается темная фигура. Кричит.

Мужчина (кричит) Мать не вернётся, сучонок. Я её всю израсходовал...и к тебе приступлю скоро...

Вере увеличивают курс медикаментозного лечения. Описываемые эпизоды становятся скуднее на детали. Вера часто на сеансах засыпает. Но для полного излечения требуется ещё много времени.

Вера. (Смотрит на врача). Скажите ему не приносить больше мне листы... Они заставляют меня вспоминать... Я уже хочу становиться совсем другой... Как того он и хочет... Я готова...

Кирилл, забирая её домой, приносит ей в комнату новые пачки канцелярской бумаги. Ему нравится наблюдать за ней через камеру слежения. Ему неприятна мысль о её возможном самоубийстве.

2015 год